

© 2019 г.

И. А. ХОРМАЧ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ЛОЗАННСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1922–1923 годы)

Хормач Ирина Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004250-3

«Восточным вопросом» принято называть комплекс противоречий последней трети XVIII — начала XX в., возникновение которого было связано с упадком Османской империи. Финальным актом его решения после Первой мировой войны стала Международная конференция, созванная в Лозанне в 1922 г. для подготовки Мирного договора с Турцией и установления режима Черноморских проливов. В ее работе участвовали Великобритания, Франция, Италия, Греция, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Япония, США (наблюдатель) и Турция. При рассмотрении ряда частных вопросов присутствовали делегаты других европейских стран. Россия была допущена только к обсуждению режима Черноморских проливов (далее — Проливы).

В решении «Восточного вопроса» каждая страна преследовала собственные цели. Крупные европейские державы хотели разделить территорию Османской империи между собой, полностью открыть Проливы, поставив их под свой контроль. Народы, находившиеся под турецким игом, — создать самостоятельные государства. Турция — сохранить независимость и суверенитет над Проливами. Советская Россия — обеспечить безопасность своих южных рубежей и свободу торговли, для чего ей было необходимо присутствовать на обсуждении всего круга проблем, касавшихся «турецкого наследства». Однако между Турцией и Советской Россией мирный договор был уже заключен, и Москве пришлось согласиться на участие в конференции в усеченном виде, учитывая огромную значимость для страны решения вопроса о Проливах.

Черноморские проливы — Босфор, Дарданеллы и расположенное между ними Мраморное море находятся на территории Турции и представляют собой единственный водный путь из замкнутого Черного моря в Средиземное. В силу географического и стратегического положения их международный статус на протяжении нескольких веков представлял большой интерес для всех прибрежных черноморских государств, в том числе для России. Режим Проливов не раз был предметом межгосударственных переговоров и неоднократно изменялся, причем Россия проявляла в решении этого вопроса исключительную заинтересованность. Ей приходилось прилагать большие усилия, чтобы добиться открытия Проливов сначала для своих торговых, а затем и военных судов. В течение длительного времени она добивалась преобладающего влияния в этом регионе. Западные державы, со своей стороны, были заинтересованы в свободе прохода военного и торгового флота всех государств и не признавали особое положение черноморских стран. Первая мировая война 1914–1918 гг. вынудила их пересмотреть свои позиции, и в марте 1915 г. под давлением Петрограда было подписано секретное англо-франко-русское соглашение о включении после победы в войне Константинополя и Проливов в состав Российской империи, но с оговорками, которые

позволяли союзникам уклониться от данных России обещаний¹. Октябрьская революция и выход России из войны изменили эти планы. Советское правительство отменило тайные соглашения, заключенные царским и временными правительствами, отказалось от договоренности с союзниками 1915 г.,² хотя прекрасно понимало необходимость создания благоприятного для страны режима Босфора и Дарданелл с точки зрения обеспечения торговых связей государства и его безопасности.

История решения вопроса о режиме Черноморских проливов на Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам 1923 г. нашла отклик в фундаментальных трудах по международным отношениям³, целом ряде монографий и статей отечественных исследователей⁴. Наиболее подробно рассматривал позиции советской России на конференции Л. Н. Нежинский⁵. Он затронул вопросы влияния реализации советских принципов внешней политики на решение проблемы Черноморских проливов. Однако Нежинский исходил из положения, что «проблема Черноморских проливов в первые послеоктябрьские годы не принадлежала к числу внешнеполитических приоритетов большевистского руководства»⁶. Между тем, в годы антисоветской интервенции и гражданской войны этот регион был использован интервентами как плацдарм для нападения на Советскую Россию, и одной из первоочередных задач, стоявших перед ее дипломатией, было обеспечение безопасности в районе Черного моря. Документы подтверждают, что Москва придавала огромное значение Лозаннской конференции.

Зарубежные исследователи активно изучали разные аспекты решения Ближневосточного вопроса и уделяли определенное внимание позиции Москвы с точки зрения расхождения ее предложений с проектами держав⁷. Но проблема участия России в этом форуме, а также процесс выработки и согласования действий объединенной Российско-Украинско-Грузинской делегации по проведению в жизнь принятой программы ими не рассматривались.

Реконструировать и оценить эти процессы позволяют опубликованные документы по международной политике⁸, а также материалы Архива внешней политики РФ из фондов «Лозаннская конференция. 1921–1923» и «Международно-правовой отдел», куда входят отчеты и информационные письма Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова в Политбюро ЦК РКП(б) и НКВД; переписка К. Б. Радека, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева,

¹ Емец В. А. Проблема Черноморских проливов во внешней политике России в период первой мировой войны. — Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 331–332.

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. 1. М., 1957, с. 13, 35.

³ История дипломатии, т. 3. М., 1965; История внешней политики СССР, в 2-х т., изд. 4-е. М., 1980; История международных отношений и внешней политики СССР, в 3-х т. М., 1986–1987 и др.

⁴ Миллер А. Ф. Турция и проблема безопасности проливов. М., 1947; Алексеев В. М., Керимов М. А. Внешняя политика Турции. М., 1961; Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992; Киреев Н. Г. История Турции XX век. М., 2007 и др.

⁵ Нежинский Л. Н. Советская дипломатия и Лозаннская конференция (1922–1923 гг.). — Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия), с. 354–390.

⁶ Там же, с. 354.

⁷ La conferenza di Genova et il Trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974; Karacan Ali Naci. Lozan konferansı ve İsmet paşa. İstanbul, 1993; Vander Lippe J. M. The «Other» Treaty of Lausanne: The American Public and Official Debate on Turkish-American Relations. Ankara University, 1993; Dockrill M. Britain and the Lausanne Conference, 1922–1923. The Turkish Yearbook XXXIII, 1993; Cleveland W. L. A History of the Modern Middle East. Boulder, CO Westview Press, 2004; Hanioglu M. S. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton University Press, 2008, etc.

⁸ Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922–1923, London, 1923; ДВП СССР, т. 5–6. М., 1961–1962; Итоги первой империалистической войны: Серия мирных договоров. Севр и Лозанна. М., 1927.

Г. Е. Зиновьева с В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Г. В. Чичериным; документы Русско-Украинско-Грузинской делегации в Лозанне; переписка Г. В. Чичерина с Реввоенсоветом; доклады военных экспертов; протоколы заседаний комиссий конференции и многие другие.

Созыв Лозаннской конференции стал результатом целой череды событий, показавших, что диктат победителей, ставивших под удар безопасность и экономические интересы других государств, не принесут долгосрочного успеха. Первым таким актом стало Мудросское перемирие (о. Лемнос), которое потерпевшая поражение в войне Турция подписала с державами Антанты 30 октября 1918 г., согласившись на открытие Проливов для их военных флотов, оккупацию фортов Босфора и Дарданелл, а также Константинополя, демобилизацию армии, сдачу военных кораблей и др.⁹. Перед союзниками открылись возможности для неограниченного прохода военных кораблей через Проливы, что было очень опасно для РСФСР и ряда других стран и вызывало их недовольство. Затем проблема Черноморских проливов обсуждалась на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. (вновь без учета интересов России), но к определенному решению прийти не удалось из-за разногласий по вопросу о разделе Турции. Тогда совет глав правительств Англии, Франции, США и Италии в мае 1919 г. санкционировал высадку в турецком г. Измире греческих войск. Началась англо-греческая интервенция. В марте 1920 г. были оккупированы Константинополь и ряд других районов Турции, а 10 августа 1920 г. в г. Севре (Франция) между союзными державами и Турцией был подписан договор, согласно которому ее территория сокращалась на три четверти и устанавливался режим капитуляций. Проход открывался для военных флотов всех государств, зона Проливов подлежала нейтрализации и поступала под контроль Международной комиссии из представителей Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, США, Болгарии и Турции (в случае вступления в Лигу наций), а также России (если она станет членом Лиги)¹⁰. Таким образом, участие России в Международной комиссии не исключалось, но Севрский договор представлял для нее большую угрозу¹¹. Договор фактически лишал Турцию прав суверенного государства и не был ею ратифицирован.

После прихода к власти в Турции правительства М. Кемаля положение изменилось. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор о дружбе между двумя странами, в одной из статей которого предполагалось поручить особой конференции прибрежных стран разработать режим Черного моря и Проливов. Одновременно правительство РСФСР провозгласило, что считает потерявшими силу все предыдущие постановления, имевшие к этому отношение¹². 19 июля 1922 г. Москва подняла вопрос о новой проливной конвенции в связи с тем, что греческие корабли фактически осуществляли военную блокаду Проливов, задерживали российские суда и конфисковывали перевозимые ими грузы, а союзное морское командование этому не препятствовало¹³. В ответе Великобритании (29 июля) отмечалось, что довоенные соглашения о нейтрализации проливов перестали действовать в 1914 г. и до заключения нового международного соглашения Проливы открыты для военных судов всех наций¹⁴.

Москва не хотела отступать и 12 сентября 1922 г. заявила о своей позиции в ноте британскому правительству. Она протестовала против открытия Проливов для

⁹ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2. М., 1926, с. 188–189.

¹⁰ Итоги первой империалистической войны: Серия мирных договоров. Севр и Лозанна, с. 1–136.

¹¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0421, оп. 1, д. 37, л. 7–8. Письмо главнокомандующего вооруженными силами РСФСР С. С. Каменева в Реввоенсовет Республики. Октябрь 1922 г.

¹² ДВП СССР, т. 3. М., 1959, с. 599.

¹³ Там же, т. 5. М., 1961, с. 506–507.

¹⁴ Там же, с. 507–508.

военных судов всех наций и отстранения причерноморских государств от регулирования их режима, указывала, что прежние соглашения о Проливах разрабатывались при участии России и любой порядок, установленный там помимо нее, признан не будет. Единственным правовым международным актом, регулирующим режим Проливов, был назван русско-турецкий договор 1921 г.¹⁵

Пересмотреть Севрский договор союзников вынудил Ближневосточный кризис, возникший в результате победы кемалистской Турции над Грецией. 20–24 сентября 1922 г. на совещании премьеров Франции (Р. Пуанкаре), Англии (Д. Н. Керзона) и посла Италии во Франции (К. Сфорца) было решено создать международную конференцию для обсуждения ближневосточных проблем, в том числе вопроса о Черноморских проливах, при участии Японии, Румынии, Югославии, Греции и Турции. О РСФСР даже не упоминалось, но заместитель министра иностранных дел Турции Риза Нурбей заявил полпреду С. И. Аралову, что его страна будет настаивать на присутствии русской делегации¹⁶.

23 сентября Англия, Франция и Италия направили Турции ноту с приглашением на конференцию. Союзники обещали после заключения мира вывести войска из Константинополя, возвратить Восточную Фракию и принять Турцию в Лигу наций. Но они настаивали на приостановке турецкого наступления в зоне Проливов в течение всего времени переговоров. Для решения этого вопроса предлагалось создать предварительное военное совещание в турецком порту Муданья¹⁷.

Москва предприняла контрмеры. На следующий день Англии, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Египту была направлена нота с предложением созвать конференцию всех стран, заинтересованных в урегулировании Ближневосточного кризиса. В документе подчеркивалось, что свобода Проливов необходима черноморским державам, в первую очередь России и Турции, занимавшим большую часть черноморского побережья¹⁸. Ответа не было, а 29 сентября 1922 г. турецкое правительство приняло условия союзников и официально заверило советское руководство, что будет добиваться участия России в конференции¹⁹. Однако 4 октября оно обратилось к державам Антанты с просьбой пригласить советскую делегацию только на обсуждение режима Проливов²⁰.

11 октября переговоры Анкары с державами-победительницами в Муданье завершились перемирием. Рассмотреть все спорные вопросы должна была мирная конференция²¹. Этот форум было поручено подготовить министру иностранных дел Великобритании лорду Д. Н. Керзону, который мог использовать свое положение для решения актуальных задач политики Лондона, расколоть российско-турецкий фронт, добиться такого режима Проливов, при котором британский флот мог в любое время пройти в Черное море.

В РСФСР подготовка к форуму началась еще до приглашения на конференцию. Для выработки платформы в начале октября Политбюро ЦК РКП(б) создало комиссию в составе наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкого, члена Исполкома Коминтерна Л. Б. Радека и наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. К работе подключились военные, дипломатические и правительственные организации²². Было подготовлено несколько проектов,

¹⁵ Там же, с. 574–576.

¹⁶ Там же, с. 590.

¹⁷ Там же, с. 761, примечание 150.

¹⁸ Там же, с. 593–595.

¹⁹ Там же, с. 761, примечание 150.

²⁰ Там же, с. 647.

²¹ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 3, вып. 2. М., 1929, с. 189–190.

²² АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 1, л. 97.

в ходе обсуждения которых сформировалась концепция Кремля по вопросу о Проливах и Черном море. В основу были положены следующие принципы: 1) неприкосновенность суверенитета Турции; 2) свобода Проливов для торговых судов и самолетов без различия флага; 3) закрытие прохода через Проливы и запрещение присутствия в Черном море военных судов и самолетов неприбрежных стран; 4) признание за черноморскими государствами (РСФСР, Турция, Румыния, Болгария) права установления режима пользования Проливами и водами Черного моря; 5) отмена капитуляций и отказ от военных судов, обслуживавших иностранные миссии²³. Статья о свободном проходе торговых судов в мирное и военное время соответствовала положениям трактатов, определявших режим Проливов до Севрского договора, и не могла быть оспорена, но в отношении военных судов требования РСФСР не совпадали с ранее принятыми и вряд ли могли быть одобрены²⁴.

Военные ведомства подчеркивали, что вопрос режима проливов по-разному решался в мировой практике — Зунд и Бельты были свободны для плавания всех видов судов; Магелланов пролив Чили и Аргентина нейтрализовали; Гибралтарский пролив был интернационализирован. Они предлагали рассматривать Черное море, как внутреннее, находящееся во владении РСФСР, Турции, Болгарии и Румынии, а Проливы, соединяющие его с открытым Средиземным морем, — признать национальными турецкими водами, доступными для торгового судоходства. Для военных судов, кроме черноморских, проход «мог быть запрещен» в целях безопасности, а защиту Проливов предлагалось возложить на черноморские государства, причем укреплять Босфор Генштаб не считал необходимым. Для предотвращения нападения со стороны Эгейского моря рекомендовалось потребовать возвращения Турции всех островов, расположенных в нейтральной зоне. Если же ей будет передана оборона Проливов, военное руководство считало более выгодным для РСФСР не укрепление Проливов, а их нейтрализацию, т.е. полную свободу для прохождения всех судов в мирное и военное время. Для военного контроля предлагалось создать комиссию из представителей черноморских государств, для технического надзора за проходом торговых судов — гражданскую комиссию из представителей черноморских стран и, возможно, их торговых партнеров²⁵. Это была программа-максимум.

Программа-минимум содержала некоторые уступки в режиме пропуска военных кораблей в Черное море и включение в комиссию представителей великих держав. Ставился вопрос и о сокращении морских сил прибрежных государств, но отмечалось, что они незначительны и могли служить исключительно для обороны²⁶. Разными ведомствами намечались свои подходы к решению вопроса о режиме Проливов²⁷.

После обсуждения проектов в Комиссии 17 октября Чичерин направил Сталину и членам Политбюро письмо с принятыми тезисами: 1) свобода Проливов при ликвидации укреплений на берегах неприемлема и означает господство Англии в Черном море; 2) меньшим злом в существовавшей ситуации считать закрытие Проливов для военных судов всех наций в мирное и военное время; 3) признать суверенитет Турции над Проливами, ее право укрепить берега, иметь флот для защиты Проливов и остаться их стражем; 4) разрешить проход единичных военных судов не для военных

²³ Там же, д. 37, л. 10. Письмо главнокомандующего всеми вооруженными силами республики С. С. Каменева заместителю председателя Реввоенсовета Республики. Октябрь 1922 г.

²⁴ В мирное время Проливы считались закрытыми для прохода иностранных военных судов (за исключением легких, состоявших при иностранных миссиях в Константинополе), военных судов дружественных Турции держав, если она сочтет это нужным для выполнения постановлений Парижской конвенции. Во время войны, когда Турция в ней участвовала, она могла пропускать военные суда дружественных и союзных с нею держав.

²⁵ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 37, л. 11–20.

²⁶ Там же, л. 22–25.

²⁷ Там же, д. 1, л. 92, 95. — Письмо К. Радека И. Сталину — секретарю ЦК РКП(б) 11 октября 1922 г.; д. 3, л. 13. Письмо Л. Д. Троцкого Г. В. Чичерину и К. Радеку 16 октября 1922 г.

целей; 5) открыть Проливы для всех торговых судов и самолетов; 6) поддержать статью Московского договора 1921 г. о доработке режима Проливов комиссией черноморских стран, при необходимости привлечь державы Антанты; 7) для технического обеспечения мореплавания создать комиссию черноморских стран (возможно, и великих держав Антанты); 8) предложить признать Черное море закрытым, без права доступа для военных судов других государств, даже в случае изменения режима Проливов; 9) в случае согласия держав на эти предложения, заключить договор с черноморскими странами об отказе от постройки линейных кораблей на 10 лет²⁸. При подведении итогов разногласий осталось много, в частности неучтенным оказалась точка зрения Литвинова в отношении нежелательности передачи панисламистской Турции контроля над Проливами, учитывая ее склонность к сговору с державами Антанты²⁹.

19 октября Политбюро одобрило тезисы Комиссии, отметив возможность контроля над Проливами причерноморских государств³⁰. Одновременно было сделано заявление, что Москва настаивает на своем участии в конференции без ограничений и предупреждает, что не признает принятых без нее решений³¹.

Однако демарш был проигнорирован, и в приглашении держав на конференцию в Лозанне, направленном 27 октября Японии, Румынии, Югославии, Греции и Турции указывалось, что Россия может прислать своих представителей только для участия в решении вопроса о Проливах, как держава «не из числа воюющих»³². Таким образом, с самого начала оговаривалось место РСФСР на этой конференции. Ленин в тот же день в интервью корреспонденту газет «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману заявил, что участие России в конференции дело не престижа, а жизненного интереса. Ограничение приведет к ряду «весьма практических и непосредственных, в частности экономических неудобств», от которых пострадают сами Франция и Англия³³.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, продолжалась разработка позиций Москвы по ближневосточной проблеме в целом. 30 октября Сталин получил следующие предложения НКВД: 1) потребовать созыва специальной конференции для принципиального урегулирования вопроса о национальных меньшинствах; 2) настаивать на аннулировании взаимных долгов вообще; 3) выступить против капитуляций в любой форме; 4) защищать границы Турции, указанные в ее Национальном обете; 5) предложить предоставить Болгарии транзитную дорогу до моря. Одновременно Коллегия НКВД рекомендовала следующий состав делегации: во главе — Л. Б. Каменев (руководство такими важными переговорами должно находиться в руках члена Политбюро), члены — Х. Г. Раковский (председатель СНК и наркоминдел Украины) и П. Г. Мдивани (член Президиума ЦК компартии Грузии). Украина и Грузия, как черноморские государства, должны были быть представлены на конференции, хотя официально не получили приглашения³⁴.

На следующий день стало ясно, что претендовать на участие в обсуждении всех вопросов конференции не стоит. Министр иностранных дел Турции Исмет-паша заявил Аравову и Мдивани, что Анкара хочет вести переговоры о заключении мира с теми державами, с которыми находится в состоянии войны, а Москву будет информировать только о ходе обсуждения мер безопасности Константинополя и Мраморного моря. Поддерживать советские формулировки о режиме Проливов и их укреплении

²⁸ Там же, д. 1, л. 97–98.

²⁹ Там же, л. 103–106. — Письмо М. М. Литвинова в Политбюро ЦК РКП(б) и Коллегию НКВД 18 октября 1922 г.

³⁰ Там же, л. 99.

³¹ ДВП СССР, т. 5, с. 621–623.

³² Там же, с. 653.

³³ Там же, с. 637–638.

³⁴ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 1, л. 112. — Письмо Чичерина Сталину 30 октября 1922 г.

Турция не хотела, так как державы Запада восприняли бы их как намерение закрыть Проливы. В вопросе о предоставлении охраны входа в Черное море силам прибрежных государств Исмет-паша тоже изменил свою позицию, заявив, что «нельзя допускать присутствия военных судов между проливами, так как это угрожало бы безопасности Мраморного моря и Константинополя». Уклонившись от дальнейших объяснений, он добавил: «Турция не сделает в вопросе о проливах ни одного шага без ведома России», ни разу не сказав «без согласия России»³⁵.

Учитывая эти обстоятельства, Коллегия НКВД подготовила проект ноты с согласием на неполное участие в конференции, но Чичерин в сопроводительном письме Сталину подчеркнул, что он лично решительно возражает против такого ответа — «нельзя сдаваться без боя и соглашаться на ограничение участия... Если мы на это не ответим протестом, то капитулируем без боя. Мы отступим от нашей позиции равноправия и активной политики». Он полагал, что Турция уже договорилась с Антантой по основным вопросам и «пунктами соглашения» стали ограничение участия России в конференции и передача Проливов Турции без права их укреплять. Нарком был уверен, что делегацию не пустят на конференцию до начала обсуждения вопроса о Проливах, и предлагал не ехать к ее началу, а заявить протест в жесткой форме³⁶. Но Ленин потребовал, чтобы все выражения в ноте Антанте были абсолютно дипломатичны³⁷.

Споры об условиях участия России в конференции не прекращались. 1 ноября 1922 г. Радек писал Ленину, Троцкому, Сталину, Каменеву, Зиновьеву (копия — Чичерину), что это приглашение Москве ничего не дает, а только «отбрасывает» от результатов, достигнутых на Генуэзской конференции: «там мы были равноправны, а здесь — консультанты». Он предлагал «поднять бучу» и отказаться ехать в Лозанну³⁸. Но Политбюро решило не портить отношения с Турцией резкими заявлениями, хотя придало ответной ноте «сурово-обличительный характер»³⁹. Состав делегации был несколько изменен — председателем назначили Чичерина. Для связи с другими делегациями в Лозанну направлялись В. В. Воровский (представитель России в Риме) и Б. М. Залкинд (НКВД). Был одобрен проект платформы делегации на основе предложений комиссии⁴⁰. Державам была направлена нота, в которой подчеркивалось, что установление определенного режима в Проливах неразрывно связано с ситуацией на Ближнем Востоке. Советское правительство просило срочно дать ответ, чтобы делегация успела прибыть к началу работ конференции⁴¹. 14 ноября был получен ответ, что на конференцию для прекращения войны на Ближнем Востоке приглашены только государства, «не находящиеся в настоящее время в состоянии окончательного мира с этой державой», но державы согласились на включение в состав делегации представителей Украины и Грузии⁴².

Конференция по подготовке мирного договора с Турцией и установления режима Черноморских проливов проходила в Лозанне (Швейцария) с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г. (с перерывом 4 февраля — 22 апреля 1923 г.). Англия была представлена лордом Керзоном, Франция — Пуанкаре, Италия — Муссолини. В ней также приняли участие Греция, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Япония, Турция, а в дискуссии о Проливах — Российско-Украинско-Грузинская (объединенная) делегация, Болгария и США (в качестве наблюдателя). При обсуждении некоторых

³⁵ Там же, д. 20, л. 10—11. — Письмо Аралова и Мдивани Чичерину 31 октября 1922 г.

³⁶ Там же, д. 1, л. 114—115. — Письмо Чичерина Сталину 31 октября 1922 г.

³⁷ Там же, д. 1, л. 120. — Письмо Ленина Чичерину и членам Политбюро ЦК РКП(б) 31 октября 1922 г.

³⁸ Там же, д. 1, л. 121.

³⁹ Цит. по: *Нежинский Л. Н.* Указ. соч., с. 368.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 16, л. 3.

⁴¹ ДВП СССР, т. 5, с. 651—653.

⁴² Там же, с. 653—654.

вопросов присутствовали и другие европейские государства. Кроме того, в Лозанне присутствовали неофициальные представительства — делегация грузинских меньшинств, восемь египетских национальных делегаций и некоторые другие⁴³.

В повестке дня значились пять вопросов, касавшихся установления европейских границ Турции, островов Эгейского моря, таможенных привилегий, капитуляций, положения национальных меньшинств. Работа велась в трех комиссиях: политической; юридической; экономической.

В течение первой недели конференция занималась экономическими и территориальными вопросами. Обсуждались европейские границы Турции, выход Болгарии к Эгейскому морю, Мосульский вопрос, но из-за острых разногласий Англии, США, Турции и Болгарии решения не были приняты⁴⁴. Обсуждение вопросов о долгах Турецкой империи и островах Эгейского моря шло вяло — в военной комиссии турки заявили, что эти острова составляют часть системы Проливов, и они не хотят решать их будущее в отсутствие российских делегатов⁴⁵. На первый план выдвинулся вопрос о Проливах.

К началу его обсуждения (1 декабря) объединенная советская делегация (Г. В. Чичерин, П. Г. Мдивани и несколько технических работников) прибыла в Лозанну и почувствовала себя в полной изоляции. На следующий день Чичерин с горечью писал Литвинову: «У меня сложилось впечатление нашей полной изоляции не только в Лозанне, но и вообще... Керзон — полный хозяин конференции. Французы идут смиренно в его хвосте. Муссолини совершенно потерял всякую самостоятельность. Турки ведут жалкую политику, как будто кого-то хотят надуть и, в конце концов, уступают и подчиняются»⁴⁶. Все остальные государства, в том числе Югославия и Болгария были настроены против РСФСР. Стало понятно, что не удастся получить ожидаемой поддержки Анкары в главном вопросе — о запрещении прохода чужих военных судов в Черное море⁴⁷.

3 декабря 1922 г. объединенная делегация направила председателям конференции ноту с согласием участвовать в работах только Комиссии по Проливам, «чтобы не усугублять затруднений, которые неизбежно повлекло бы за собой отсутствие России на этой конференции»⁴⁸. А 4 декабря состоялось первое заседание этой комиссии. Председатель Керзон огласил порядок дня: Анкара внесет свои предложения, затем будут заслушаны представители России. Приглашающие державы пока воздержатся от выражения своего мнения.

Декларация Исмет-паши не содержала требований Турции, а только оговаривала обязательное участие России, Украины и Грузии в обсуждении вопроса о Проливах, и подчеркивала необходимость принятия решения, способного примирить интересы всех заинтересованных государств. Если принцип безопасности Константинополя и Мраморного моря будет соблюден, Турция была готова примкнуть к любому согласованному решению в отношении открытия Проливов для торговли и международных сообщений. На этой основе Анкара обещала подготовить замечания по проектам держав⁴⁹.

Затем Чичерин изложил программу объединенной делегации с требованиями обеспечить свободу торгового судоходства в Проливах; закрыть Проливы для военных

⁴³ Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922–1923. Paris, 146; АВП РФ, ф. 0421, Оп. 1, д. 7, л. 11.

⁴⁴ Керзон был главным акционером нефтяной кампании, хозяйничавшей в Мосуле.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 1, л. 128–129.

⁴⁶ Там же, д. 6, л. 348. — Письмо Чичерина Литвинову 2 декабря 1922 г.

⁴⁷ Там же, д. 1, л. 131–133. — Отчет Раковского НКВД и ЦК РКП (б) 1 декабря 1922 г.

⁴⁸ ДВП СССР, т. 6, с. 30–31.

⁴⁹ Conference de Lausanne sur les affaires du Proche Orient. Commission pour l'étude du regime detroits. Proces-verbal No 1. Lausanne, 1923, p. 4–6.

и вооруженных судов, а также военной авиации всех стран, кроме Турции; восстановить суверенитет турецкого народа на принадлежащую ему территорию и водные пространства; дать право вооружать свои берега, иметь военный флот и использовать для защиты Проливов и Мраморного моря современную военную технику. В документе подчеркивалось, что закрытие Проливов для военных судов соответствует принципу равенства между всеми государствами, тогда как открытие их дает преимущества более сильным морским державам⁵⁰. Советский проект не был поддержан. Румынский представитель заявил, что Турция должна поступиться частью своих интересов ради общего блага. Он предлагал свободу военного судоходства, полную демилитаризацию Проливов и Черного моря. Болгарский делегат поддержал предложение о свободе торговли и заявил о желании его страны участвовать в международном управлении судоходством в Проливах. Грек выжидал программного выступления турок⁵¹.

Керзон посетовал, что Турция отказалась изложить свои принципы, и пошутил, что Чичерин представляет не три, а четыре государства, а затем попросил турецкую делегацию высказаться по поводу сделанных заявлений⁵². Однако Исмет-паша осторожно отметил, что российская позиция ближе Турции, но она примет во внимание и другие декларации. Это вызвало недовольство Керзона и он предложил отложить заседание⁵³.

Советские делегаты писали, что на первом заседании сложились две группировки: черноморские государства и остальные участники, причем первая была объединена только географическим положением. Турция и Россия противостояли Румынии, а Болгария не имела самостоятельной позиции⁵⁴. Одновременно Чичерин подчеркивал, что и между союзниками были большие разногласия. Возможность договориться с турками он тоже не сбрасывал со счетов⁵⁵. Учитывая эти моменты, он считал необходимым на следующем заседании заявить о готовности «столковаться» с черноморскими государствами о взаимном обеспечении безопасности на море⁵⁶.

6 декабря на втором заседании комиссии Керзон заявил, что русская программа имеет целью превратить Черное море в русское озеро с Турцией в качестве верного стража у дверей⁵⁷, и предложил обсудить два проекта: «Свобода проливов» и «Демилитаризация зоны проливов». В первом предусматривалась полная свобода торгового мореплавания в мирное и военное время при нейтралитете Турции. Военным судам и самолетам в мирное и военное время предлагалось предоставлять проход с оговоркой, что совокупность сил, которые одна держава могла провести через Проливы и держать в Черном море, не могла превышать самого сильного флота прибрежных стран. Если эти страны договорятся о полной демилитаризации своих морских сил, каждая держава сохранит право проводить через Проливы и держать в Черном море три военных судна, одно из которых могло иметь тоннаж, превышающий 10 тыс. т. Если Турция участвовала в войне, то это право сохранялось только за нейтральными государствами. Военные самолеты должны были снижаться для контроля. Военным судам воюющих стран запрещалось задерживаться при прохождении Проливов⁵⁸.

⁵⁰ ДВП СССР, т. 6, с. 35–38.

⁵¹ АВП РФ, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 2–3.

⁵² Там же, л. 4.

⁵³ Там же, л. 5.

⁵⁴ Там же, д. 7, л. 8. — Письмо Пастухова в НКВД 5 декабря 1922 г.

⁵⁵ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 343. — Письмо Чичерина Литвинову, членам Политбюро ЦК РКП(б) и Коллегии НКВД 5 декабря 1922 г.

⁵⁶ Там же, л. 347.

⁵⁷ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 15–18.

⁵⁸ Conference de Lausanne sur les affaires du Proche Orient. Commission pour l'étude du regime detroits. Proces-verbal No 2, p. 4–6, 13–14.

Во втором проекте устанавливались зоны демилитаризации на берегах Проливов и островах Мраморного и Эгейского морей — Самофракии, Лемносе, Имбросе и Тенедосе. Только в районе Константинополя допускалось размещение гарнизона турецких войск. Для контроля предлагалось создать международную комиссию из представителей Франции, Великобритании, Японии, Италии, России, США, Турции, Греции, Румынии, Югославии, Болгарии⁵⁹. Представители Франции, Италии, Югославии и США поддержали проект, наблюдатель от США высоко оценил его, а Исмет-паша воздержался от выступления⁶⁰.

Чичерин отмечал, что Россия и западные державы поменялись ролями: раньше говорили о «русском продвижении в Азии», теперь время «британского продвижения в Европе». Он видел два выхода: закрытие Проливов и суверенитет Турции или контроль международной организации, который приведет к всеобщему соперничеству⁶¹. После обсуждения документов объединенная делегация пришла к выводу, что проект Антанты в корне расходится с советскими предложениями: свобода прохода военных судов для РСФСР невыгодна, ограничения прохода военных судов в Черное море недостаточны, защита Проливов осложнена, демилитаризация Черного моря неприемлема. Она подготовила предложения с более жесткими ограничениями для прохода военных судов в Черное море⁶².

В тот же день состоялось совещание советских экспертов с турецкими, на котором обсуждались проекты Антанты. Турок прежде всего интересовало сокращение демилитаризованных зон, но их проект мог улучшить положение — они отказывались от разоружения Босфора, а в отношении «свободы проливов» после обсуждения заняли вполне лояльную позицию, в частности: в Черное море мог войти флот неприбрежных государств не более самого сильного флота одной из черноморских стран; при демилитаризации Черного моря ввод чужих морских сил должен быть запрещен; при нейтралитете Турции в случае войны с участием черноморского и нечерноморского государств флот последнего не должен без ограничений входить в Черное море⁶³.

Однако Англия тоже проводила неофициальные переговоры о проливах с турецкими представителями, обещая им уступки в других вопросах, и преуспела больше. 8 декабря на третьем (утреннем) заседании Проливной комиссии развернулись общие прения по союзному проекту и Исмет-паша начал сдавать позиции — согласился на проход легких военных кораблей и ограничился требованием сужения демилитаризованных зон, обеспечение гарантий безопасности и сохранение вооружений на Босфоре⁶⁴. На этом заседании советская делегация подтвердила свое отрицательное отношение к союзному проекту, причем Чичерин настаивал на особом режиме Черного моря и требовал закрытия Проливов для всех военных судов. Его никто не поддержал⁶⁵.

На вечернем заседании Керзон констатировал, что турки в целом согласны на демилитаризацию Проливов при предоставлении им возможности обороны, а также на учреждение международной комиссии, и обещал, что уточнения будут внесены на совещании союзных и турецких экспертов, причем отметил, что советская делегация сможет принять участие только в обсуждении проекта о проходе через Проливы, а демилитаризованными зонами займутся союзные и турецкие эксперты⁶⁶.

⁵⁹ Ibid., p. 6, 14–16.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 13–14, 23–26.

⁶¹ Там же, д. 33, л. 11–13.

⁶² Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 14, л. 1–6; ф. 421, оп. 1, д. 24, л. 1–3. — Замечания по поводу выступления Керзона на заседании Проливной комиссии 7 декабря 1922 г.

⁶³ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 14, л. 13–17.

⁶⁴ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 39–41.

⁶⁵ Там же, л. 32–33.

⁶⁶ Там же, л. 18–19.

На этом заседании впервые проявилось намерение Керзона устранить советскую делегацию и дорабатывать проект путем сговора экспертов⁶⁷. Чичерин писал: «Конференция приняла характер англо-русской дуэли... Создается крепкий единый фронт Антанты, причем всю ее политику ведет одна Англия. Ее орудием на Балканах сделалась Румыния, которую Англия выдвигает вперед, чтобы разбить нашу систему закрытого Черного моря. Югославия и Болгария явно показывают, что идут неохотно против нас... Турки барахтаются и уступают шаг за шагом, идут на вынужденное соглашение. Агрессивной английской политике противостоит только Россия». Нарком склонялся к отказу от уступок и от подписания предлагаемого договора⁶⁸. Было ясно, что Турция не ценит заключенный с ней договор, а причерноморские государства не захотят объединиться и противостоять притязаниям союзников.

Наступил второй этап конференции и советской делегации следовало пересмотреть позиции и тактику. Для работы в новых обстоятельствах военные эксперты Б. М. Шапошников и Е. А. Беренс уже 9 декабря подготовили предложения, содержавшие ряд неопасных для черноморских государств уступок, например: в мирное время в Проливы и Черное море пропускать только легкие суда охраны общим тоннажем 1/5 военных флотов черноморских государств при контроле Турцией Проливов. В военное время при нейтралитете Турции в Проливы и Черное море допускать легкие военные суда нейтральных государств и флот воюющего нечерноморского государства, равный флоту противника⁶⁹.

Турки были ознакомлены с этими инициативами, но они вели сепаратные переговоры с союзниками и уже согласились пропускать чужие военные суда группами, равными тоннажу турецкого флота, в неограниченном количестве, что было опасно для России⁷⁰. Анкара переносила центр тяжести на оборону Мраморного моря, предоставляя России одной заботиться о Черном. Договариваться о согласовании позиций становилось все труднее. 10 декабря Исмет-паша посоветовал Чичерину тоже направить своих экспертов на неофициальные переговоры, но нарком объяснил, что Россия не хочет переносить обсуждение жизненно важных вопросов в неформальную сферу, чтобы не оказаться в стороне. Он предложил добиваться созыва подкомиссии и обратился к председателю конференции с соответствующей нотой, но в тот же день последовал отказ с мотивировкой, что эксперты приглашающих держав находятся в распоряжении всех делегаций.

Утром 11 декабря секретариат конференции телефонограммой пригласил советских экспертов на встречу с союзными коллегами для обсуждения переработанного союзного проекта утром 12-го⁷¹. Делегация приняла приглашение, а вечером 11 декабря турецкие эксперты ознакомили советских коллег с результатом их переговоров с союзниками — новыми проектами «Свобода проливов» и «Демилитаризованные зоны в проливах». Определенные уступки имелись только во втором проекте⁷². Обсудив документы, делегация решила: 1) предложить ЦК для демонстрации доброй воли, но без перспективы подписания сделать некоторые уступки в вопросе о проходе военных судов через Проливы: согласиться на ограниченный проход легких военных судов посторонних государств в Черное море совокупным тоннажем не более 1/5 общего тоннажа военных флотов черноморских государств, включая Турцию;

⁶⁷ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 32, л. 1. — Справка о ходе разработки проекта конвенции о проливах и о работе Проливной комиссии на Лозаннской конференции. Январь 1923.

⁶⁸ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 332. — Письмо Чичерина Литвинову 9 декабря 1922 г.

⁶⁹ Там же, д. 14, л. 18–20.

⁷⁰ Там же, л. 22–28. — Письмо в НКВД Б. М. Шапошникова и Е. А. Беренса 11 декабря 1922 г.

⁷¹ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 32, л. 3–4. — Справка о ходе разработки проекта конвенции о проливах и о работе Проливной комиссии на Лозаннской конференции. Январь 1923.

⁷² Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 14, л. 29–34. — Письмо Б. М. Шапошникова и Е. А. Беренса в НКВД 12 декабря 1922 г. Там же, ф. 421, оп. 1, д. 31, л. 17–19. — Замечания на проект союзников 11 декабря 1922 г.

2) советским экспертам участвовать на совещаниях союзных и турецких коллег; 3) заслушать предложения о режиме Проливов, не вступая в дискуссию⁷³.

12 декабря советские эксперты пришли на совещание. После того, как их предупредили о неформальном характере этого мероприятия и вручили новую редакцию правил прохода судов через Проливы, они потребовали допустить их к обсуждению проекта о демилитаризованных зонах и настаивали на официальном получении всех документов. Получив отказ, советские представители покинули зал⁷⁴, подкрепив демарш нотой протеста против «расчленения» вопросов о Черном море и о Проливах⁷⁵. Демарш возымел действие — оба проекта были немедленно переданы советским представителям⁷⁶. В тот же день делегация направила в Политбюро выработанные накануне предложения о демонстративных уступках, несколько изменив их — турецкий флот исключался из совокупности тоннажа черноморских держав при определении квоты зарубежных судов, хотя у Чичерина не вызывала сомнения абсолютная неприемлемость для Москвы союзных и турецких инициатив⁷⁷.

В последующие дни продолжались совещания союзных и турецких экспертов, чтобы предложить России подписать уже согласованный текст. Нарком оценивал создавшееся положение следующим образом: 1) главная задача делегации — полное закрытие Проливов для военных судов не достигнута, поскольку турки не поддерживали Россию; 2) Анкару интересует оборона Проливов и Константинополя, а не пребывание военных судов неприбрежных государств в Черном море; 3) союзники шли навстречу туркам, одновременно усиливая свою непримиримость в отношении режима Черного моря; 4) несмотря на все это, Турция заинтересована в своей военной программе-максимум и является потенциальным союзником России; 5) делегация должна удерживать Анкару от сближения с союзниками; 6) вопрос о Проливах не тупиковый, он продвигается⁷⁸. Наверное, тупиковым вопрос о режиме Проливов нельзя было назвать, но положение было близко к этому.

14 декабря 1922 г. Политбюро обсуждало возможность отказаться подписать конвенцию, но не пришло к единому мнению, поскольку Коллегия НКВД настаивала, что этим шагом РСФСР даст повод говорить о бесполезности участия русских в международных форумах. Предлагалось подписать соглашения по вопросам, связанным с Проливами, сделав оговорки о несогласии с отдельными пунктами (например, о пропуске военных судов). Литвинов подчеркивал: «Мы должны закрепить, хотя бы для прецедента, свое действительное участие в международном акте»⁷⁹. Для принятия окончательного решения у Чичерина запросили дополнительные сведения, по каким из важных пунктов имеются серьезные возражения⁸⁰.

В это время на совещаниях экспертов союзники пошли на ряд уступок туркам (касавшиеся ее прав в Греции и демилитаризованных зонах), и Анкара решила вступить в Лигу наций, чтобы облегчить достижение соглашения⁸¹. Российских делегатов тоже приглашали на неформальные совещания, но они отказались, чтобы не признавать сепаратных переговоров и добиться созыва подкомиссии, и проекты создания Международной проливной комиссии и гарантий неприкосновенности Проливов были обсуждены без них.

⁷³ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 1, л. 139.

⁷⁴ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 32, л. 3–4.

⁷⁵ ДВП СССР, т. 6, с. 66–67.

⁷⁶ АВП РФ, ф. 421, оп. 1, д. 32, л. 3–4. — Справка о ходе разработки проекта конвенции о проливах и о работе Проливной комиссии на Лозаннской конференции. Январь 1923.

⁷⁷ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 1, л. 317.

⁷⁸ Там же, д. 7, л. 33–34.

⁷⁹ Там же, д. 11, л. 8–9. — Письмо Литвинова Чичерину в Лозанну 14 декабря 1922 г.

⁸⁰ Там же, л. 11–12. — Письмо Литвинова Чичерину 15 декабря 1922 г.

⁸¹ ДВП СССР, т. 6, с. 82–84.

17 декабря секретариат прислал делегации уже подготовленные документы. В первом предусматривалось создание комиссии из представителей Турции (председатель), Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, Югославии, а также России и США, если они присоединятся к конвенции о Проливах. На комиссию (которая ставилась под эгиду Лиги наций) возлагался контроль над соблюдением условий прохождения судов и демилитаризации Проливов. Во втором проекте Лига наций объявлялась гарантом безопасности Проливов⁸².

Ожидалось, что заседание 18 декабря будет решающим, а объединенная делегация еще не имела инструкций — уйти с конференции из-за подмены официальных переговоров сепаратными или сделать заявление об отказе подписывать документы из-за умаления прав. Чичерин попросил Политбюро разрешить предложить очередной компромиссный вариант: при турецком контроле в укрепленных Проливах пропускать в Черное море легкие военные суда нечерноморских государств, если совокупности их тоннажа в Черном море не превышала 1/5 совокупности тоннажа флотов приморских стран⁸³. Литвинов изложил членам Политбюро это предложение, подчеркнув, что Коллегия со своей стороны предлагает официально заявить, что в случае полного запрещения прохода военных судов через Проливы и при соответствующих гарантиях, Москва не станет возражать против полной нейтрализации Черного моря — запрещения черноморским державам, включая Россию, держать в Черном море военный флот. Литвинов отмечал, что это предложение не пройдет, но в политическом плане такая уступка гораздо серьезнее⁸⁴.

18 декабря Литвинов известил Чичерина, что решение Политбюро еще не принято⁸⁵, и советская делегация, так и не получив инструкций, передала в секретариат конференции декларацию и свой проект режима Проливов. В документе имелись серьезные расхождения со всеми проектами союзников и турок. Так, в понятие «Проливы» предлагалось включить помимо Босфора и Дарданелл Мраморное море и острова, к ним прилегающие, против чего резко выступали турки. В мирное время Проливы признавались закрытыми для военных кораблей и самолетов, кроме флота Турции, с некоторыми исключениями. В военное время при нейтралитете Турции эти правила почти полностью оставались в силе, а когда она являлась воюющей стороной, — получала право досмотра торговых судов и самолетов, в исключительных случаях могла разрешать проход легких нейтральных надводных военных судов. Турция обязывалась следить за исполнением этих правил и для закрытия прохода военных кораблей могла держать сухопутные и морские военные силы, подводные лодки и самолеты, базы на суше и на море; сооружать постоянные военные укрепления; организовывать оборону Проливов, применяя новейшие технические средства. Для обеспечения торгового мореплавания предлагалось учредить международную комиссию из представителей прибрежных государств, а также Германии, США, Франции, Великобритании, Италии и Японии под председательством Турции⁸⁶.

На пятом заседании Проливной комиссии столкнулись проекты России и союзников, а также замечания турок. Несмотря на компромиссный характер советского предложения, оно было отклонено⁸⁷. Керзон заявил, что, по мнению союзных держав, советский проект основан на принципах, диаметрально противоположных их позициям и невозможно найти точку соприкосновения. Он отметил, что замечания Анкары также неприемлемы, и закончил выступление словами, что вопрос надо решать не

⁸² Lausanne Conference on Near Eastern Affairs... p. 248—250.

⁸³ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 296—297.

⁸⁴ Там же, д. 1, л. 142—143.

⁸⁵ Там же, д. 11, л. 15—16.

⁸⁶ ДВП СССР, т. 6, с. 92—96.

⁸⁷ АВП РФ, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 47. — Протокол 5-го заседания комиссии по изучению режима проливов; ДВП СССР, т. 6, с. 90—92, 96.

в интересах какой-либо группы государств, а в интересах всего мира. Керзона дружно поддерживали, а Исмет-паша огласил декларацию о готовности его делегации принять большинство пунктов проекта союзников о Проливной комиссии⁸⁸.

На седьмом заседании комиссии 20 декабря 1922 г. Исмет-паша сообщил о соглашении Турции на разоружение Проливов в интересах всеобщего мира. Анкара настаивала только на сохранении на Галлипольском полуострове маленького гарнизона, исключении представителя Греции из состава Международной комиссии по проливам и ограничении функций этой комиссии контролем за проходом военных судов⁸⁹. Керзон отметил примирительный тон заявления, но отклонил претензии Турции⁹⁰.

После этого англичанам удалось за 10 дней в отсутствие советской делегации сторговаться с турками в комиссии экспертов и навязать ей свой проект в несколько смягченном виде⁹¹. Чичерин считал необходимым отказаться от подписания неприемлемой для России Конвенции о Проливах и сохранить Москве свободу рук. Он писал, что предложение о полной нейтрализации Черного моря опасно и помешает впоследствии пересмотру режима Проливов⁹². Наркома тревожил и сам характер переговоров, направленных не на решительные действия, а на мелкие компромиссы⁹³.

30 декабря делегация пошла ва-банк и представила конференции меморандум с советской платформой по Восточному вопросу. Это был обширный документ декларативного характера, который обозначал отношение страны к Восточному вопросу в целом, мусульманскому миру и Лозаннской конференции. В качестве основы установления прочного мира на Ближнем Востоке предлагалось признать Турцию «полновластной распорядительницей своих экономических, судебных и финансовых учреждений»; освободить ее от режима капитуляций; справедливо урегулировать территориальные споры и проблему национальных меньшинств; восстановить права народов Балканского полуострова⁹⁴. Советский меморандум был направлен на укрепление политического положения России на Востоке и должен был служить базисом дальнейших ее отношений с Турцией. По словам Чичерина, документ произвел сенсацию⁹⁵. Но ничего не изменил.

К этому времени, приняв почти все условия союзников, турецкая делегация подготовила сводный проект Проливной конвенции и 3 января 1923 г. конфиденциально передала его Чичерину. А 5 января приглашающие державы составили свой проект конвенции, который вручили только туркам⁹⁶. На следующий день Чичерин направил в секретариат конференции ноту, в которой констатировалось, что переговоры проходили вне пленарных заседаний комиссии и делегация слагает с себя ответственность за возможный срыв работ⁹⁷. Результатом был большой скандал, а 10 января делегация получила ответ с напоминанием, что изучение вопроса о Проливах проходило на семи заседаниях комиссии, а в перерывах союзные эксперты встречались со всеми желающими, чтобы ускорить подготовку документов⁹⁸. 13 января делегация получила новый текст конвенции, но без замечаний Анкары. Керзон по-прежнему отказывается

⁸⁸ АВП РФ, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 52–53. — Протокол 6-го заседания комиссии по изучению режима проливов.

⁸⁹ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 19, л. 62. — Протокол 7-го заседания комиссии по изучению режима проливов.

⁹⁰ Там же, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 269.

⁹¹ ДВП СССР, т. 6, с. 112. — Письмо Чичерина Карахану 23 декабря 1922 г.

⁹² АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 221–223. — Письмо Чичерина Литвинову 25 декабря 1922 г.

⁹³ Там же, л. 203. — Письмо Чичерина Литвинову 27 декабря 1922 г.

⁹⁴ ДВП СССР, т. 6, с. 123–133.

⁹⁵ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 186. — Письмо Чичерина Литвинову 30 декабря 1922 г.

⁹⁶ Там же, л. 99.

⁹⁷ ДВП СССР, т. 6, с. 137–138.

⁹⁸ Там же, с. 153.

от созыва Проливной комиссии и даже от ведения переговоров с объединенной делегацией⁹⁹. Не было никакой уверенности, что Россия не останется за пределами конференции. 23 января Чичерин запросил Политбюро о дальнейшей тактике — он хотел сыграть на противоречиях Англии и Франции по вопросу о демилитаризации, чтобы добиться такого варианта конвенции, который можно было бы подписать. Нарком просил разрешить выступить с новыми, незначительными, уступками. Он подчеркивал, что ситуация стабилизируется и делегации необходима некоторая свобода действий¹⁰⁰.

К сожалению, уже через три дня конъюнктура изменилась — Англия потребовала ультимативного представления туркам готового договора и сворачивала работу. Сабанину официально сообщили, что заседание комиссии по Проливам состоится 1 февраля¹⁰¹. Еще не зная этого, Литвинов 26 января писал Чичерину, что Коллегия и Политбюро в сообщениях наркома не усмотрели оснований для изменения своей позиции. Было решено, что дальнейшее пребывание делегации в Лозанне нецелесообразно, и предлагалось найти формальный повод для отъезда в Москву¹⁰².

Развязка приближалась. 31 января Керзон вручил туркам от имени союзников ультимативное предложение подписать проект, используя для нажима вопрос о Мосуле. Для ответа был дан четырехдневный срок. 1 февраля на восьмом заседании Комиссии по проливам «Проект конвенции по вопросу о режиме проливов» был положен в основу «Конвенции о режиме Черноморских проливов», но ждали ответа турок, которые подвергались жесткому давлению союзников. Чичерин на этом заседании выступил дважды. Отметив, что внесенные в проект изменения были результатом «подпольных переговоров», он потребовал его обсудить открыто и напомнил о компромиссах, которые были предложены советскими представителями¹⁰³. Но предложение не было принято: Керзон заявил, что разногласия между объединенной и другими делегациями непреодолимы. Чичерин вынужден был заявить: «При таких условиях не может быть и решения вопроса о проливах. Его нет и не будет без участия России, Украины и Грузии»¹⁰⁴. Заседание закрылось.

На этом, собственно, закончилась работа советской делегации в первой части Лозаннской конференции. 4 февраля Турция отвергла ультиматум союзников, в работах был объявлен перерыв¹⁰⁵. Чтобы не остаться в стороне 6 февраля делегация направила в секретариат ноту с констатацией, что решения по вопросу о Проливах принято не было, и она ожидает сообщения о времени возобновления переговоров¹⁰⁶. На следующий день она покинула Лозанну. К сожалению, слова Чичерина, что предлагаемый проект конвенции для России неприемлем, союзниками были восприняты как отказ Москвы подписать соглашение.

Первые итоги конференции подвел Чичерин. 20 февраля в письме Аралову он отмечал, что одним из главных ее результатов стал распад единого антантовского фронта на Ближнем Востоке — России удалось показать возможность разъединения Англии и Франции, а также отчасти помешать заключению турками неблагоприятного для Москвы соглашения. Но главное — Анкаре была оказана большая дипломатическая и техническая поддержка, укрепившая ее положение, что сказалось и на переговорах¹⁰⁷. Об общем ходе конференции Чичерин писал хлестко: форумом руководил исключительно Керзон, как

⁹⁹ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 6, л. 84–85. — Письмо Чичерина Литвинову 15 января 1923 г.

¹⁰⁰ Там же, д. 6, л. 52–54. — Письмо Чичерина Литвинову 23 января 1923 г.

¹⁰¹ Там же, л. 27, — Письмо Чичерина Литвинову 27 января 1923 г.

¹⁰² Там же, д. 11, л. 59–61.

¹⁰³ ДВП СССР, т. 6, с. 173–174.

¹⁰⁴ Там же, с. 178.

¹⁰⁵ Там же, с. 612, примечание 39.

¹⁰⁶ Там же, с. 180.

¹⁰⁷ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 20, л. 23–26.

самодержец. Сначала «перебирались» территориальные вопросы. Они «немножко разжевывались» и неразрешенными отодвигались в сторону. Накапливалась масса «непереваренного материала». Таким образом, Керзон готовил себе поле для маневров на последних стадиях конференции и никто ему не препятствовал, а «турки плохо понимали, что с ними делают». Советской делегации пришлось сосредоточить все силы на борьбе с позицией самих турок. На конференции один за другим ставились и обсуждались вопросы финансовые, экономические, о меньшинствах, патриархате, о Мосуле и нефти, «переплетаясь между собой в страшной путанице». Кончилось тем, что Англия, в отличие от Франции, добилась благоприятного разрешения большинства интересующих ее проблем, и настояла на перерыве¹⁰⁸.

Лозаннская конференция возобновила работу 23 апреля 1923 г., но объединенная делегация приглашена не была, поскольку открывать прения по вопросу о режиме Проливов не предполагалось и вопрос о Проливной конвенции союзники считали решенным. Должны были обсуждаться только экономические и финансовые проблемы. В этой схеме для России не было места¹⁰⁹. К тому же Чичерин, по мнению приглашающих держав, от имени своей делегации заявил об отказе подписать конвенцию. Тем не менее, секретариат просил сообщить, если намерения Советского правительства в отношении признания конвенции изменились¹¹⁰.

Не дожидаясь официального приглашения, 27 апреля Воровский прибыл в Лозанну и столкнулся с серьезными трудностями — делегация была лишена дипломатических прав, дипкурьерам отказали в визе, начались провокации, направленные на то, чтобы вынудить советских представителей (Воровского и Аренса) покинуть Лозанну. Швейцарское правительство не принимало никаких мер по обеспечению их безопасности¹¹¹, хотя, как подчеркивал Чичерин, Проливная конвенция даже не была парафирована, политическая комиссия официально еще не закончила работу и Россия, Украина и Грузия оставались участниками конференции в силу полученных в ноябре приглашений. Таким образом, «выдавливание» Воровского было нарушением обязательств приглашающих государств. Антанта просто опасалась сотрудничества России с Турцией¹¹².

Делегация не покинула Швейцарию даже в таких условиях. Руководство НКВД считало, что разрыв и отъезд из Лозанны Воровского должен произойти на основе не формальных предлогов, а «на политическом вопросе», чтобы показать дружественное отношение России к Турции. Воровский должен был уехать только в случае явного нарушения жизненных интересов Турции, в знак протеста «против удушения Востока западным империализмом»¹¹³.

7 мая Воровский писал полпреду в Берлине С. И. Бродовскому, что пребывание в Лозанне становится почти невозможным. Его, как представителя России на Лозаннской конференции, игнорируют даже пресса и Исмет-паша¹¹⁴. 9 мая он вновь сообщил Бродовскому о тяжелом положении делегации¹¹⁵. В тот же день советское правительство отдало распоряжение Воровскому покинуть Швейцарию, но было поздно — 10 мая Воровский был застрелен бывшим белогвардейским офицером швейцарским гражданином М. Конради. Помощник дипломата М. А. Дивильковский и корреспондент агентства новостей РОСТА И. И. Аренс были ранены¹¹⁶.

¹⁰⁸ Там же, л. 27–31. — Письмо Чичерина Аралову 20 февраля 1923 г.

¹⁰⁹ Там же, д. 3, л. 158–159. — Письмо Воровского Чичерину 21 апреля 1923 г.

¹¹⁰ ДВП СССР, т. 6, с. 245–246.

¹¹¹ Там же, с. 285–286. — Письмо Воровского советнику полпредства РСФСР в Германии С. И. Бродовскому 9 мая 1923 г.

¹¹² АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 3, л. 184–185. — Письмо Чичерина Стеклову 6 мая 1923 г.

¹¹³ Там же, л. 180. — Письмо Чичерина П. Л. Михальскому 3 мая 1923 г.

¹¹⁴ Там же, д. 18, л. 165.

¹¹⁵ Там же, д. 3, л. 188.

¹¹⁶ ДВП СССР, т. 6, с. 304.

Но вопрос о подписании Проливной конвенции надо было решать, и 15 мая 1923 г. Чичерин обратился к Сталину с просьбой обсудить в Политбюро два варианта: при подписании документа заявить, что Россия конвенцию не признает, так как ее делегатов «удалили», или немедленно заявить об уходе с конференции и раскритиковать договор. Нарком отдавал предпочтение второму предложению, чтобы не упустить момент для «принципиального выступления» об отношении к конференции и к Проливной конвенции¹¹⁷. Правительство пошло по другому пути — 16 мая приглашающим державам и Швейцарии были направлены ноты протеста в связи с убийством Воровского, а 20 июня прекращены отношения со Швейцарией¹¹⁸.

В результате переговоров без участия советских представителей союзникам удалось договориться с Турцией о принятии их проекта режима Проливов и о Международной комиссии. 17 июля Массигли известил Чичерина, что мирный договор и Конвенция о режиме проливов будут подписаны в Лозанне 24 июля. В случае согласия Москвы подписать конвенцию, ей предлагалось это сделать в Лозанне или в Константинополе до 14 августа. При отсутствии определенного ответа можно было присоединиться к конвенции на общих основаниях с правом представительства в Международной комиссии¹¹⁹.

19 июля советское правительство сообщило о своем согласии подписать конвенцию, отметив, что принятый режим не сможет стать базой для прочного мира, и оговорив право позднее поднять вопрос о внесении изменений в конвенцию¹²⁰. Было решено использовать даже слабую возможность контроля над проведением в жизнь конвенции, чтобы устранить опасность советским республикам.

24 июля 1923 г. на последнем заседании Лозаннской конференции представители Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турции, с другой, подписали 17 документов, среди которых важнейшие — Мирный договор и Конвенция о режиме проливов.

Лозаннский договор провозглашал мир между Турцией и державами Антанты, устанавливал новые границы Турции, которая сохранила за собой основные территории, но отказывалась от всяких прав в Аравии, Египте, Судане, Триполитании, Месопотамии, Палестине, Сирии, островов Лемноса, Самофракии, и ряда других. Вопрос о границе между Турцией и Ираком оставался открытым. Отменялся режим капитуляций в стране и международный финансовый контроль над ней, но Турция обязывалась выплатить часть оттоманского долга. Устанавливался свободный проход военных и коммерческих судов через Дарданеллы и Босфор в мирное и военное время, а также демилитаризация проливов¹²¹.

В вопросе о Проливах Турция пошла на значительные уступки. В Конвенции о режиме Черноморских проливов предусматривалась свобода прохода через Проливы и судоходства по морю торговых судов и пролет самолетов в мирное и военное время при нейтралитете Турции. Если Турция была воюющей стороной, свобода торгового судоходства сохранялась для нейтральных невоенных судов и самолетов, если они не помогали неприятелю.

Военные корабли и самолеты в мирное время могли проходить (пролетать) через Проливы со следующими оговорками: максимум судов, которые любая страна могла провести в Черное море, не должен был превышать самый мощный флот прибрежных держав (которые находились в Черном море к моменту прохода) и не больше трех

¹¹⁷ АВП РФ, ф. 0421, оп. 1, д. 2, л. 24.

¹¹⁸ ДВП СССР, т. 6, с. 313—315, 316—318.

¹¹⁹ Там же, с. 303.

¹²⁰ Там же, с. 301—302.

¹²¹ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927, с. 143—189. 23 августа договор ратифицировала Турция, а к 6 августа 1924 г. — все участники конвенции, за исключением Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), которое было несогласно со статьями о выплате части оттоманского долга.

кораблей, водоизмещением до 10 тыс.т. каждый. Турция не отвечала за число кораблей, проходящих через Проливы. Для соблюдения этого правила черноморские державы были обязаны два раза в год предоставлять сведения о своих морских военных силах.

В военное время при нейтралитете Турции вводились аналогичные ограничения, но они не применялись к воюющим державам в ущерб их правам. Если Турция являлась воюющей стороной, военные корабли могли проходить по правилам мирного времени. Нейтральные военные самолеты могли пролетать над Проливами, но Турция имела право их осматривать в специально отведенных местах. Подводные лодки должны были проходить через Проливы в надводном положении, военные корабли не должны были задерживаться. Оговаривалось и пребывание военных судов и самолетов в портах Проливов и Черного моря.

Конвенция предусматривала уничтожение береговых укреплений, определяла зоны демилитаризация и ее условия. Семь статей были посвящены учреждению и деятельности «Комиссии Проливов», причем в нее должны были входить и представители России¹²².

14 августа 1923 г. уполномоченный СССР подписал текст конвенции с рядом оговорок, но Москва ее не ратифицировала как нарушающую права страны и не гарантирующую мир и безопасность черноморских государств¹²³. И все же, как одна из крупнейших черноморских держав, СССР, нуждавшийся в соблюдении порядка и международного законодательства в столь важном стратегическом регионе, придерживался ее вплоть до заключения новой конвенции на конференции в Монтрё в 1936 г.

* * *

Что же стало итогом участия Советской России в Лозаннской конференции? Это был первый политический форум, к работе которого она была привлечена, поэтому его уроки были особенно важны.

Советским дипломатам не удалось принять участие в решении Восточной проблемы в целом. Объединенная делегация была приглашена только к подготовке Конвенции о режиме Черноморских проливов, причем ее не допустили к обсуждению проблем демилитаризации Проливов и создания Международной комиссии по черноморским проливам. Но для РСФСР и этот вопрос имел огромное военное, политическое и экономическое значение, так как установление выгодного для страны режима Черного моря и Проливов должно было обеспечить безопасность государства. Это была задача номер один и подготовка к форуму велась исключительно серьезно. О возможности ничего не добиться никто даже не задумывался. Учитывая опыт экономической Генуэзской конференции 1922 г., в программу делегации заранее закладывались определенные уступки. Но, к сожалению, в Лозанне методы Генуи оказались неэффективными — требовались серьезные политические и военно-стратегические предложения, чтобы хоть в какой-то степени ослабить враждебность стран Антанты к Советскому государству. По этой причине советские представители во главе с наркомом Чичериным не смогли добиться конструктивного обсуждения своих проектов по режиму Проливов, однако они сумели помочь Турции добиться приемлемого мира, что имело большое значение для укрепления в Турции дружественного Советской России режима.

Временный союз с Турцией, основанный на поддержке ее претензии в отношении демилитаризации Проливов и сужения демилитаризованных зон, не принес ожидаемых результатов, так как Анкара была заинтересована в такой финансовой, экономической и военной помощи, которую Москва не могла ей оказать, в отличие от стран Антанты. Определенные ожидания поддержки балканских стран в дипломатической борьбе с Антантой также не оправдались. Сюда следует добавить отсутствие

¹²² ДВП СССР, т. 6, с. 562–573.

¹²³ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. 139–262.

экстренной связи делегации с Москвой, разногласия в руководстве НКВД по важным политическим вопросам, специфический подбор членов и без того маленькой делегации, неспособной оказать Чичерину действенную помощь на конференции, слабо отработанная тактика советской дипломатии.

В главном вопросе — о Проливах победила концепция Лондона: договор предусматривал свободу прохода военных судов через Проливы в мирное и военное время и демилитаризацию Босфора и Дарданелл. Однако державы не получили права направлять в Чёрное море более трёх судов, причем ни одно из них не могло превышать 10 тыс.т.

Результат конференции не был отрицательным, так как текст конвенции стал лучше в результате участия объединенной делегации в ее обсуждениях. Но изученные материалы показывают, что итогом конференции был если не провал ожиданий России, то жестокий урок, показавший, что руководство и страной, и дипломатическим ведомством не поняло характера конференции, недооценило сплоченности своих врагов и степени зависимости от них других государств. Предложенные компромиссы оказались недостаточными, а использованные методы — неэффективными. Главные требования Москвы — гарантии от неожиданного нападения с суши и моря в районах Проливов и ограничение морских сил, вводимых в Черное море, отстоять не удалось.